

П. И. Онуфрийчук

ВЕРА И ГНОЗИС У КЛИМЕНТА АЛЕКСАНДРИЙСКОГО

Проблема взаимоотношения веры и знания становится одной из главных тем в борьбе христианской Церкви с нехристианским гнозисом. В трудах Климента Александрийского мы находим самое обстоятельное размышление по этой проблеме, в связи с чем автор ставит ряд вопросов. Исчерпывается ли христианство простой верой? Способно ли оно удовлетворить более высоким запросам разума? Может ли христианство достойно ответить гностикам, которые упрекают Церковь в отсутствии сокровенного знания? Основная идея веры у христианских мыслителей предполагает дарение, благодать, приводящую человека к сопричастности Богу, гнозис же — это восхождение, цель которого — достичь тождественности Богу. Климент в своих размышлениях сохраняет наметившуюся к его времени тенденцию в понимании веры и гнозиса.

Исторический период жизни и творчества Климента характеризуется тем, что христианство не желало оставаться закрытой сектой, а стремилось распространиться по всей империи¹. Чтобы христианство было воспринято цивилизованным миром, откровение Логоса должно было прозвучать на понятном для него языке и в устоявшихся философских терминах. С этой целью Климент стремится представить христианство как одну из форм философского знания, сохранив ключевые христианские идеи. Замыслу Климента способствует сложившаяся к тому времени философская традиция эклектики и синкретизма, где новое легко воспринимается, осмысливается и интегрируется в уже существующие философские формы и конструкции. Благодаря эллинистическому духу, царившему в науке той поры, человечество в данном случае пошло по пути синтеза и эклектики рационального, философского и религиозного, иррационального. Такой синтез оказался перспективным для цели, которой служит александрийский катехизатор. С точки зрения своей образованности Климент пытается привести к общему знаменателю христианство и эллинскую философию и таким образом достичь универсального миропонимания. Данная интенция соответствует его гностическому умонастроению. Начиная с первой книги Стромат Климента весьма положительно оценивает языческую философию, чтобы показать образованным

¹ См.: Moussa M. Clement of Alexandria: The Original Christian Philosopher // URL: <http://www.coptic.net/articles/ClementOfAlexandria.txt>

язычникам, что христианство не враждебно их философии, а наоборот, высоко ценит ее. Правда, это относится не ко всей философии, а только к той, в которой есть нечто, как бы «зажженное от божественного Писания»². Если языческая философия — благо, то оно может иметь только божественное происхождение. Значит все христиане, отвергающие философию, отвергают блага Бога. Знание наук позволяет человеку облагородить и очистить себя. Наука поможет христианину защитить истину от искажений магов, астрологов, поэтов и т. д.³ Знание наук должно христианами не отвергаться, а использоваться как благо Божье в качестве инструмента для нужд веры.

Вера, согласно Клименту и Василиду, есть согласие души на признание существования вещей, недоступных для чувств. Источник веры есть Откровение. Без веры невозможно познавать Бога, и свое знание Бога гностик укореняет в вере, а вера в свою очередь — это благоухание гнозиса. Гнозис представляет собой такое знание, которое проникает в сущность предмета и соответствует природе познаваемого. Настоящий гностик услышанное от Господа схватывает и понимает сразу. Либертинизм вытекает из специфики богопознания лжеименного гнозиса. Гнозис не был чуждым христианской традиции. Климент Александрийский указывает, что в своем учении о христианском гнозисе он не создает оригинального учения. Это учение церковное по своей сути⁴. Он часто ссылается на апокрифические тексты, например на апостола Варнаву⁵, и тем самым сохраняет принцип преемственности.

Исследователи отмечают, что для Климента познание — это основная цель как для интеллекта, так и для духа⁶. Весь процесс начинается с веры и заканчивается видением Бога. Теология и логика идут рука об руку. Единство познавательного процесса достигается через веру, как объединяющее начало и двигатель любого гносеологического процесса. Ученые неохотно таким образом определяют веру, но для Климента вера есть волевое решение, а разум подчиняется воле⁷. По этой причине веру у Климента следует рассматривать как первичное, промежуточное и завершающее состояние христианского гнозиса. Кроме того, неотъемлемой частью познания является благочестие. Поэтому вера раскрывается и как теоретическое знание, и как практическое действие. Вера пронизывает все аспекты и этапы познания и соединяет в себе интеллектуальную способность логического исследования, практическое благочестие и мистическое видение Бога. Такое единство ведет к абсолютной целостности: гностик и верит, и знает, и созерцает. Климент в своем познании стремится к мистическому опыту богопознания. Александрийский катехизатор стремится к интеллектуализации христианского Откровения. Автор одного из последних исследований философии Климента, на наш взгляд, тонко отмечает ее мистическую направленность: Климент — интеллектуальный мистик⁸. Смысл созерцания Бога как высшей формы познания для него состоит в теозисе личности гностика. Причем через теозис гностик вступает в Божественную

² Strom. VI, 17. Закон для иудеев был дан, как и философия для язычников, до прихода Спасителя.

³ Strom. II, 1.

⁴ Strom. VII, 16.

⁵ Strom. II, 6: «...дабы вместе с верой имели вы и совершенный гнозис...».

⁶ Osborn E. F. The Philosophy of Clement of Alexandria. Cambridge, 1957. P. 127–128.

⁷ Strom. II, 77: «Итак, воля всему предшествует, умственные же силы лишь служат ей».

⁸ См.: Choufrin A. Gnosis, Theophany, Theosis: Studies in Clement of Alexandria's Appropriation of his Background. — New York, 2002.

бесконечность. Мистичность соединяет в себе гнозис, который пробуждает жажду познания Бога, ожидание богоявления (теофании), рассвет которой приходит, и теозис, как вхождение в бесконечность. На этом гносеологический процесс завершается, так как происходит совершенное просвещение Божественным светом⁹.

Для более точного понимания веры у Климента отметим, что в разных текстах он определяет понятие веры с несколько отличными смысловыми акцентами. На наш взгляд, различие состоит в том, какую задачу решает вера на данном этапе, хотя сама вера в его рассуждениях остается неизменной. Веру Климент рассматривает как интенцию воли, направляющую гносеологический процесс к истинному познанию. Общей для различных выражений веры является идея восприятия какой-либо информации и согласие с ней. Данная информация может иметь разную степень достоверности и может быть добыта различными путями. Вера для александрийского учителя лежит в основании всякого познания. Знание наполняет веру содержанием, а вера является основой знания. Но вера также — высшее достижение истинного гностика, с ее помощью определяется совершенство на пути богопознания. В вере все берет начало и верой все завершается. Гнозис имеет основание в вере, верой движим гносеологический процесс и верой он завершается. С одной стороны, вера — это доверие очевидным или весьма возможным фактам, не требующим специального доказательства. К этим фактам следует отнести первоначало бытия¹⁰. Любое доказательство, согласно Клименту, в конечном итоге основывается на бездоказательной вере¹¹. Познавательный процесс необходимо основывается на принятии некоего начала, не имеющего никакой логической предпосылки. Вера, согласно Клименту, представляет собой согласие нашего сознания на принятие вещей невидимых и бытия Бога. Такое возможно по причине причастности нашей души высшему миру, в ней присутствует отражение божественного мира истины. Это отражение является исходным пунктом веры¹². Сейчас мы схватываем невидимую реальность верой неясно, поэтому существует необходимость облечь ее в осязаемые образы, чтобы дать основу надеющимся¹³. Чтобы это сделать, необходимо физическое искусство. К этому искусству следует отнести развитие способности восприятия, желание души воспринять впечатления горнего мира. Развитие такой способности связано с обучением наукам. Но источником веры служит Слово Божие, которое мы слышим из уст проповедника¹⁴. Если слушающий слово соглашается с проповедником, то он становится верующим, если нет — остается в своем неверии. Но возвещаемое слово истины действует в человеке подобно магниту, притягивающему железо¹⁵. Поэтому Климент веру рассматривает как акт свободного волеизъявления и одинаковое основание спасения для всех. В этом пункте Климент резко расходится с Валентином, который учил, что спасения достигают только

⁹ А. Шуфрин указывает, что Климент является предшественником средневековой мистической христианской традиции: Choufrin A. Op. cit. — P. 206–209.

¹⁰ Strom. VII, 95, 6: «Поэтому было бы справедливо полагать, что *первоначало* это ухватывается благодаря вере и не нуждается поэтому ни в каких доказательствах. Так от самого первоначала мы получаем в изобилии доказательства, касающиеся этого первоначала. Само слово Спасителя готовит нас к постижению истины» (курсив наш. — П.О.).

¹¹ Strom. VIII, 6,7–7,1.

¹² Strom. I, 19.

¹³ Strom. II, 3.

¹⁴ Strom. II, 6.

¹⁵ Strom. II, 6.

избранные и по природе. Нет, говорит Климент, вера — это единственное основание для спасения. Она является Божьим даром, который свободно принимается человеком. Бог не принуждает принять истину, а убеждает. Истина Божия убедительна по своей природе. Поэтому вера является разумным согласием свободно действующей души¹⁶. Вера не может оставаться неразвитой. Вера в Бога должна постепенно перерасти в знание о Боге¹⁷. При этом вера раскрывается с двух сторон. Первая имеет статичную характеристику, а вторая способна расти как горчичное зерно. В процессе роста вера приходит в соприкосновение с гнозисом и остается с ним в постоянной связи. Вера является близкой гнозису как его основание и путь к нему. Вера является сокращенным или *свернутым знанием*, которое не нуждается в доказательствах¹⁸. Профессор Р. В. Светлов указывает, что *свернутость веры* означает не только *потенцию* знания, но его фундамент¹⁹. Отличие ее от гнозиса заключается в том, что вера свободно предвосхищает знание истины о предмете, предшествует научному исследованию вещей²⁰. Можно сказать, вера является априорным знанием истины. Просто верующий человек подобен ребенку, который не в состоянии дать разумное обоснование своей вере. Следовательно, вера нуждается в отчетливости, логическом раскрытии и обосновании. Когда в вере выделяют рациональную составляющую, то она переходит в знание и становится гнозисом.

Гнозис является твердым доказательством всего того, что воспринято на веру, дает вере незыблемое основание и сообщает ей разумность²¹. Гнозис в этом смысле есть некое обобщающее сознание всего разумного, которое хотя и выражено в философии во фрагментах, может помочь обосновать веру. Гнозис Климента потенциально доступен для всех. Более того, к нему обязан стремиться всякий верующий. Тот факт, что гнозис является неким усовершенствованием веры, совсем не умаляет ее. Наоборот, Климент показывает, что вера является зачатком на пути подлинного богопознания. Вера у Климента остается не просто зачатком, но критерием истинности процесса богопознания. Климент даже соглашается с Аристотелем, что вера есть суждение о том, насколько истинно то или другое суждение, сопровождающее знание. Платон рассматривает веру как познавательную способность души, которая стоит на третьем месте вслед за разумом и рассудком. Суть веры сводится у Платона к произвольному постижению мира, без достаточных на то оснований. Вера или одобряет, или отрицает то, что субъект с достоверностью не воспринимает. Поэтому она может быть и истинной, и ложной, в то время как знания воспринимаются как достоверные и истинные. Вера без знания неустойчива и подвержена переубеждению. Похоже, что Климент склоняется и к платоновской концепции веры, когда ищет разумного обоснования веры²². Климент указывает на то, что гнозис и вера имеют один источник, а значит — одну природу. Этот источник — Божественное Откровение.

¹⁶ Strom. V, 1.

¹⁷ Strom. VII, 10.

¹⁸ Strom. VII, 10.

¹⁹ Светлов Р. В. Гнозис и экзегетика. — СПб., 1998. — С. 403.

²⁰ Ни один ученый не приступил бы к научному поиску закономерностей в природе, если не верил бы, что мир устроен разумно. Это означает, что вера является такой фундаментальной предпосылкой науки в целом. Об этом и говорит Климент.

²¹ Strom. VII, 10.

²² Strom. II, 4.

Оно содержится в Писании и церковном Предании. Это значит, что подлинная вера и истинный гнозис должны быть церковными²³. С христианской точки зрения гнозис — не только духовно-интеллектуальное явление. Гнозис характеризуется высокой нравственностью в согласии с Писанием. Носителя христианского гнозиса отличает высокая нравственность, благородство, богоподобие. Не существует ни знания без веры, ни веры без знания. Гностик пригвожден к вере, в нем есть вера знающая и знание верующее. Вера у Климента рассматривается как комплексное состояние души, когда она способна быть адекватной действительности на всех уровнях бытия. С одной стороны, вера — это способность души принять какие-то предпосылки как очевидные или весьма вероятные²⁴. Это касается в первую очередь некоторых первооснов и первых принципов бытия. Их невозможно проверить и доказать, но именно опираясь на них, можно выстроить всю доказательную базу. Эти начала позволяют получить доказательную базу всего²⁵. Это и есть самоочевидное или необходимое бытие, без которого невозможно выстроить никакое доказательство²⁶. Так веру определяют как «интуитивное и непосредственное познание»²⁷ недоказуемых первоначал. Климент призывает верить в пророческие книги Ветхого и Нового Заветов, так как они *вдохновенны* и открывают первоначала. Состояние верующей души должно постоянно поддерживаться доверием, которое возвращает и укрепляет веру. Доверие есть как бы звено, связывающее верующего и личность Логоса, когда в потоке взаимообмена устанавливается и развивается надлежащее состояние души. Этот диалектический процесс порождает и развивает знание недоказуемого абсолютного истока бытия. Это так называемые беспредпосылочные начала²⁸. Такое понимание было распространено во времена Климента среди различных философских школ.

Климент также рассматривает еще один источник получения достоверного знания, происходящего из чувственного и разумного постижения мира. Такое знание прямое и ясное, соответственно, не нуждается в дополнительной аргументации. Здесь также присутствует вера в качестве непосредственно знания, но основана она на данных чувств и ума²⁹. Даже если присутствует доказательство, то вера предполагает уверенность в правильности доказательств и посылок. Вера рассматривается как некий критерий, оценивающий аккуратность поэтапных заключений и правильность окончательного вывода. Строгие, выверенные доказательства способствуют появлению у человека научной веры. С помощью такой веры можно постичь сущность видимых вещей, т. е. получить научное знание. Но сам процесс аргументации бывает двух видов — научный и вероятностный³⁰. Поэтому у Климента вера рассматривается как научная убежденность и как просто доверие, соответственно. Знание также может быть как достоверным, или *гнозисом*, так и вероятным, или *про-гнозисом*. Вероятность всегда подразумевает некую дефектность и несовершенство знания. Таким образом, для

²³ Strom. VII, 16.

²⁴ См.: Strom. II, 2, 2–4.

²⁵ Strom. VII, 95, 3–9.

²⁶ Strom. VIII, 6, 7 etc.

²⁷ Lilla S. P. Clement of Alexandria. A Study in Christian Platonism and Gnosticism. — Oxford, 1971. — P. 119.

²⁸ Alkinoos, Didaskalikos V, 4 (перев. Ю. А. Шичалина).

²⁹ Strom. VIII, 7, 3 etc.

³⁰ Strom. II, 48, 1.

Климента вера не имеет подчиненного положения по отношению к разумному знанию, как мы это видим у Платона. Последний веру резко отличает от знания. Достоверное знание сущности вещей не может опираться на веру, так как оно непосредственное, умозрительное, в нем нет необходимости постепенно убеждаться. Оно или есть, или его нет. Некоторые исследователи считают, что Климент в понимании веры близок к досократикам³¹. Досократики ставят веру выше в сравнении с *мнением смертных*, где принципиально отсутствует достоверность. У них вера и есть достоверное знание сущности вещей. Эмпедокл рассматривает веру как некую силу убеждения, которая представляет надежные свидетельства разуму и принуждает его к принятию аргументов. Согласно Эмпедоклу, вера позволяет постепенно, поэтапно, во фрагментах познавать полноту, что позволяет избежать ошибок и делает возможным раскрывать не выявленные способности³². Климент целыми отрывками цитирует Эмпедокла, и тем самым становится очевидным, что он ориентирован по преимуществу на до-платоновское понимание веры, чем, собственно, на платоновское³³. Вера, о которой свидетельствует Климент, не требует никаких доказательств и создает фундамент спасения для всех верующих. Этот вид веры необходимо рассматривать как религиозный феномен. Такая вера оказывает главное влияние на формирование христианского образа жизни³⁴. При этом ее нельзя рассматривать как простую веру, так как именно она делает возможным постижение гнозиса. Раскрывая сущность веры, Климент вступает в дискуссию как со сторонниками простой веры, так и с представителями гностиков, отрицающими ценность веры вообще³⁵. Гностическая позиция, с которой спорит Климент, в основном изложена Валентином и Василидом. Климент считает, что «истинное знание должно сопровождаться верой. Вера, таким образом, выше знания и является его критерием»³⁶. Когда познание в субъективном и объективном отношении находит в душе гармонию и созвучие, тогда разум легко соглашается с данными Откровения и не требует логического обоснования. Такое согласие разума и есть вера³⁷. Так, особое ведение души служит также предпосылкой познания, что созвучно с гносеологией Платона. Александрийский учитель не может обойтись без души, припоминающей идеальную гармонию и совершенство. Разум как функция души подчиняется гармоничному совпадению внешней и внутренней действительности, хотя и не все понимает.

Климент описывает последовательный процесс восхождения в постижении гнозиса. Это путь, которым идут не все верующие, а лишь некоторые. Необходимые начало и основание данного пути есть вера. В последней Климент видит не только начало познания, но обнаруживает в вере такое ее движение, где она сама себя поддерживает и стимулирует познавательный процесс. Уверенность в правдивости познания поддерживается доказательствами, которые подтверждают все то, что

³¹ См.: Афонасин Е. В. *Философия Климента Александрийского*. — Новосибирск, 1997. — С. 36.

³² См.: Эмпедокл. Фрагм. 27, 114, 14.

³³ См.: Strom. V, 9, 1; V, 59, 7 etc.

³⁴ См.: Strom. VII, 55, 2; V, 2, 5; II, 53, 5 и др..

³⁵ См.: Strom. II, 3, 4 и далее; V, 1.

³⁶ Strom. II, 14, 3.

³⁷ См.: Попов К. Вера и ее отношение к христианскому знанию по учению Климента Александрийского // Труды КДА. 1887. № 12.

изначально было принято на веру. Более того, в процессе познания доказательства не только подтверждают данные веры, но и развивают их³⁸. В этом смысле вера и есть *свернутое знание*.

Особенность гносеологии Климента состоит в том, что он одним из первых указал на значимость веры как необходимого условия подлинного познания. При этом само познание александрийский дидакал разделяет на последовательные этапы. Познавательный процесс начинается с веры как *свернутого знания* через обоснование веры разумными доказательствами и простирается на новый гносеологический уровень, где происходит познание умопостигаемых предметов. Далее познание измеряется любовью к познаваемому и достигает единения с ним³⁹. Хотя это единение происходит на земле, но в своем опыте гностик, согласно Клименту, живет на небе, избавившись от всех известных на земле страстей и вожделений. Все то, что делает человека несовершенным, гностик на этом завершающем этапе пути познания оставляет и становится совершенным и завершенным. Это состояние знания сущего непосредственно.

Вообще Климент говорит о нескольких типах знания. Все типы знания активны в познавательном процессе. Есть научное знание, суть которого сводится к набору неопровержимых, доказанных фактов. В данный перечень Климент включает метод познания целого через части, познание чувственно воспринимаемых предметов в мельчайших деталях, умопостигаемое и аналитическое изучение предметов⁴⁰. Все эти типы знания Климент объединяет с помощью важнейшей космической силы — *фронесиса*. Ее можно представить как практическую мудрость, которая способна определить, что идет человеку во благо, а что во вред. Таким образом, именно эта сила позволяет целенаправленно регулировать человеческие устремления. Климент отмечает, что фронесис разлит по всему космосу и среди людей приобретает различные названия и формы в зависимости от того, куда обратила свое действие эта сила. Это и чистое мышление, и наука, и благочестие и т. д., но сущность ее всегда остается неизменной — это вера⁴¹.

Внимательный взгляд на конструкцию Климента позволяет заключить, что важнейшими и системообразующими понятиями для него остаются вера и гнозис как основание и завершение единого строения. Вера и гнозис оказываются двумя

³⁸ См.: Strom. VII, 57, 3.

³⁹ См.: Strom. VII, 57,4; 75, 3.

⁴⁰ Strom. II, 76, 1–3: «1. *Научное знание* — это предрасположенность к знанию (ἐπιστήμη), из которого последнее возникает и приводит к уяснению того, что уже не может быть опровергнуто рассуждением. Невежество же, напротив, подобно призрачным видениям, которые разрушаются силою разума. Приобретение как тех знаний, которые могут быть разрушены разумом, так и тех, которые разумом утверждаются, зависит от нас. 2. Сходны с научным знанием *опытное знание* (ἐμπειρία), *теоретическое знание* (εἰδησις), *сопоставление* (σύνθεσις), *умозрение* (νοήσις) и, наконец, *откровенное знание* (γνώσις). 3. Теоретическое знание есть познание целого посредством различения видов. Опыт занимается изучением свойств чувственно воспринимаемых предметов в их мельчайших деталях. Умозрение обращено на предметы, постигаемые одним лишь разумом. Сопоставление состоит в обнаружении взаимного соответствия отдельных частей или в точном изучении взаимного соответствия, или в способности обнаружить точные соответствия между вещами в сферах практической мудрости и научного знания и в умении подвести их под одно определение. *Гнозис* же — это знание, проникающее в самую сущность предмета, или ведение о нем, согласное с его природой. Наконец, истина есть научное обнаружение действительно существующего. Состояние обладания истиной — это знание истинного» (курсив наш. — П.О.).

⁴¹ См.: Strom. VI, 155, 3–5.

сторонами одной медали. В вере имплицитно содержится гнозис, а гнозис зиждется на вере⁴². Между этими двумя экстремумами находится все остальное — мудрость, знание, наука и т. д. Поэтому ничто из этого не может быть тождественно ни вере, ни гнозису, а представляется только неким аспектом веры и гнозиса. Истинный гнозис не дается от рождения, а поступательно достигается в познавательном процессе. Возрастание знания о конкретном предмете происходит как внутреннее взаимодействие познающего и познаваемого по мере веры гностика. В познании Бог открывает гностику сущность познаваемой вещи в понятиях, точно соответствующих ее сущности. Поэтому для гностика нет надобности в эллинской системе доказательств.

Цель гнозиса — познание Бога, и гнозис позволяет созерцать Бога непосредственно. Гностик для достижения этого состояния напрягает все свои силы. На пути к высшей цели он постепенно накапливает всю совокупность знания. Поэтому в подлинном гнозисе уже содержатся все науки, философия и другое рациональное знание. Невозможно быть гностиком и в то же время иметь ущербное знание о чем-либо. С помощью рационального знания гностик познает мир, человека и другие творения Бога. Такое познание сопровождается и внутренним процессом познания души. Этот процесс уже исследован греческой философией, но он не позволяет достичь главной цели гностика — познания Бога. Для достижения этой цели гностику приходит на помощь Откровение, но его также необходимо правильно истолковать, не так, как делают буквалисты. Буквы и слова Писания необходимо рассматривать как символы, которые постигаются с помощью специальной герменевтики и позволяют проникнуть в глубинный смысл написанного. При этом недопустима крайность, в которую впадают некоторые гностики, в стремлении обнаружить тайный смысл искажающие текст. Богопознание предполагает постепенное уподобление Богу. Как Бог через Сына уподобился этому миру и человеку, так и человеку необходимо уподобиться Богу, т. е. подобно Богу проделать обратный путь. На этом пути для гностика важнейшей задачей остается уразуметь суть вещей, как они сами открывают себя. Видеть вещь так, как она сама себя открывает, помогает именно вера. Чтобы не иметь ложного представления о предметах, необходимо на них смотреть очами веры. Гностик созерцает Бога лицом к лицу, что позволяет ему воспринять божественное, как это сделал Моисей⁴³. Теозис (обожение) доступен гностику как поступательный процесс. Но похоже, что совершенное состояние для гностика на земле недостижимо. Поэтому, согласно Клименту, совершенный гнозис необходимо рассматривать как дар Бога, который следует развивать, в том числе с помощью естественных наук, философии и Писания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Климент Александрийский. Строматы. — СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2003. Т. 1–3.
2. Климент Александрийский. Увещевание язычникам. Кто из богатых спасется. — СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2003.
3. Климент Александрийский. Педагог. — М.: Учебно-информационный экуменический центр ап. Павла, 1996.

⁴² Strom. VII, 55, 4.

⁴³ См. Strom. II, 6; V, 78 etc.

4. Поснов М. Э. Гностицизм II века и победа христианской церкви над ним. — Брюссель: Жизнь с Богом, 1991.
5. Афонасин Е. В. Философия Климента Александрийского. — Новосибирск, 1997.
6. Светлов Р. В. Гнозис и экзегетика. — СПб.: РХГИ, 1998.
7. Трофимова М. К. Историко-философские вопросы гностицизма. — М., 1979.
8. Osborn E. F. The Philosophy of Clement of Alexandria. — Cambridge, 1957.
9. Choufrin A. Gnosis, Theophany, Theosis: Studies in Clement of Alexandria's Appropriation of his Background. — New York, 2002.
10. Lilla S. P. Clement of Alexandria. A Study in Christian Platonism and Gnosticism. — Oxford, 1971.
11. Moussa M. Clement of Alexandria: The Original Christian Philosopher // URL: <http://www.coptic.net/articles/ClementOfAlexandria.txt>
12. Попов К. Вера и ее отношение к христианскому знанию по учению Климента Александрийского // Труды КДА. 1887. № 12.